

рассказ

141

Ахат Сафруллин

Белый билет

Июнь звенит и цветёт. Первая летняя жара приятна, нет ещё того изнуряющего полубморочного зноя, который накроет город шубой в июле. Над головой шумят незапылённые зелёные листочки. Но уже начинает кружить тополиный пух. Как говорят в народе, портят наше лето мухи да комары, а я бы ещё добавил – и тополиный пух! Через недельку всё заметёт липким пухопадом. А пока порхают только редкие «снежинки». Лица у людей на улице открытые, улыбчивые, сердца наполнены радостью.

Лишь одна Ильсияр не замечает красоту сегодняшнего дня. Кажется, что она идёт в глубокой осенней тени, в

то время когда все прохожие ярко освещены летним солнцем. На лице её глубокое безразличие, а в груди застыла то ли злость, то ли обида. Ей и самой кажется, будто та угрюмая женщина, которая отражается в витринах кафе и модных салонах, не она вовсе, а совершенно чужой человек. Кажется, что она не шагает, а плывёт в каком-то горячем тумане.

Ильсияр ускоряет шаг. Ей хочется поскорее уйти подальше от того серого здания, откуда она только что выскочила, как ужаленная. Ей мерещится погоня. Глаза её кроме испуга ничего не выражают.

– Да осторожнее вы! Не видите, что

ли, – с яйцами иду?.. – вспыхнул пенсионер с пакетами из супермаркета, на которого она налетела.

– Простите, пожалуйста! – смутилась Ильсияр.

– Как танк прёт! – всё никак не мог уgomониться старик.

Но разве можно сравнивать её с танком?! Она, миниатюрная женщина, которую бабой-то язык не повернётся назвать!

«И-и, Аллах, куда катится этот мир, что с ним творится?! – убивается она. – Куда ни кинь взглядом – кругом распушенность, разврат! Не в отхожую ли яму превращается наша жизнь?! – На глаза навернулись слёзы. – Хотя сегодня я сама же вступила в эту грязь. По собственному желанию! Прости, Всевышний, будь милостив, прости! Не было у меня иного пути... Ведь ради своей любви, ради нашей семьи, ради жизни любимого человека я старалась».

Она трясущимися руками быстро открыла висевшую на плече сумочку и нащупала там корочку новенького военного билета – на месте ли? На месте! Билет хоть и был с красной обложкой, но на самом деле он был белым!

С каким-то трепетом погладила обложку документа, очень дорогого для неё и для них обоих.

– Спасла своего Хамита! Я спасла! – ободрила сама себя Ильсияр и пошла веселей. Но вдруг споткнулась. Опять вспомнила, сквозь что ей пришлось пройти, чтобы получить этот вожделенный военный билет. Какой стыд испытать! И радость померкла. Картон обложки, который только что подарил ей душевное спокойствие, будто бы превратился в раскалённое железо. Она резко одёрнула руку и защёлкнула сумочку. Встряхнула головой, стараясь избавиться от недавних омерзительных воспоминаний, но они не оставляли её – всё липли и липли...

Как бы человек не желал этого, он не может убежать от самого себя! Не может!

Мысли, запрятанные в самую глубину души, поднялись, взбаламутились...

События сегодняшнего безобразного дня, исполосовавшие её сердце, вновь в него впились. Она даже застонала.

Говорят, каждый человек рождается для счастья на земле. Как бы не так? Счастья ему только ложечка отпущена, зато несчастий – целый котёл. Каких только препятствий не ставит перед человеком жизнь, как только она его не испытывает на прочность!

После окончания университета Ильсияр год проработала учителем в своей родной деревне, но Казань манила огнями и новыми перспективами... Одна знакомая предложила попробовать себя в журналистике, тем более вакантное место быстро нашлось в татарской газете. Была у неё склонность к этому делу, ещё школьницей она писала в газеты заметки. Хотя и радовалась, что с работой вышло удачно, но вопрос с жильём мазал всё дёгтем. Правда, сначала через знакомых родителей ей удалось получить койку в рабочем общежитии, но уже через месяц к ней стала привязываться милиция, мол, живёшь тут без прописки. Либо устраивайся на завод, либо... Милиция – это громко сказано. Была она в лице обыкновенного деревенского паренька, неизвестно где раздобывшего форму. Надевал он, поверх спортивного костюма с лампасами только китель, а космы прятал под фуражку. Но глаза делал такие строгие, что приходилось верить. Появлялся и постоянно привязывался. А однажды неожиданно взял и приобнял девушку за талию, взглянув с усмешкой в её глаза, и тогда ей всё сразу стало понятно. Но пойти на т а к о е – воспитание не позволяло! Она была деревенской горячкой. Поэтому быстро собрала манатки и перебралась к дальней родственнице на окраину города. Жить там было не сладко, сама старушка была «с приветом», постоянно «не узнавала» юную родственницу и могла долго держать её на пороге, пытая: «Син кем?»* К тому же здесь проживал её вечно пья-

Ты кто? (там.)

ный внук, который вскоре стал таскать из кошелька «квартирантки» деньги. К тому же он начал делать ей недвусмысленные предложения. Как-то ночью она даже расплакалась в подушку. Её душили мысли об испорченности всего мира и распущенности. Одна похоть кругом! И никакой любви!

И тут Аллах послал ей Хамита. Это и было ответом с Небес, есть ли любовь на свете! Однако квартирный вопрос после свадьбы обострился ещё больше. Сначала новобрачные жили отдельно друг от друга, ожидая тёплого уголка, обещанного дальним, седьмая вода на киселе родственником мужа. Но этот родственничек Хамита оказался ненадёжным, беспробудно пьяным человеком: обнадёживал-обнадёживал, а потом взял в долг и вообще пропал. Да ещё, когда в отсутствии Хамита приходил к ней поклониться денег, звал, бесовственный, погулять в парке.

Вскоре между супругами начали вспыхивать ссоры. «Сам женился, а у самого нет даже жилья, куда ты собирался привести жену? На вокзал?», – укоряла мужа Ильсияр. В ответ он опускал глаза и молчал. Наконец она поняла, что с муженьком каши не сварить и надо действовать на свой страх и риск. Она нашла по объявлению недорогую квартирку, правда, далековато от центра – в Салмачах. Зато здесь они сами себе были хозяева! Но недолго радовались, вскоре вернулся из мест заключения по амнистии сын хозяйки и их попросили съехать.

Хамиту пообещали дать квартиру по месту работы. Но, видимо, не зря говорят, что обещанного три года ждут! Тянули-тянули, но, в конце концов, испортив все нервы, всё же дали – однокомнатную в спальном районе. Это было счастье!

Но не успели как следует порадоваться этому долгожданному счастью, как в один прекрасный день неожиданно вручили Хамиту повестку в военкомат. Родина требовала исполнить свой воинский долг! До этого в деревне ему удавалось «косить», благо в призывной

комиссии была родная тётя, а здесь ни тётя, ни дядя... Что творится в российской армии, знает и ребёнок. Солдатам её даже с вражеской армией воевать не нужно, сами себя покалечат и поубивают!

Она с Хамитом погрузилась в чёрную печаль. Что делать? Как быть? Перед свалившимся на их голову горем все остальные горести отступили и показались микроскопическими. Особенно сильно горевала она. Ведь её Хамит слишком кроткий, тихий, как девушка, его обязательно станут обижать. А ещё хуже, возьмут и пошлют в горячую точку, а там... «Тьфу, тьфу, типун мне на язык!» – зашептала Ильсияр, испугавшись своих мыслей.

Что делать? Куда идти? У кого просить помощи? Голова её раскалывалась от вопросов. Конечно, давно она слышала, что «откосить» от армии можно, но уж больно кругленькую сумму называли. Зарплата у них небольшая, накоплений никаких. И так уж родители помогли: корову на мясо продали, чтобы мебель в новую квартиру купить.

– Служат же люди, – произнёс Хамит безразличным тоном. – Чем я хуже других? Не я первый, не я последний.

Она понимала, что это он её так старается успокоить. Но слова словами, а делать что-то надо было. И чем раньше, тем лучше. А что если самой сходить в военкомат и поговорить с начальником, ведь у Хамита всё-таки гастрит?..

Дежурный офицер военного комиссариата направил её к начальнику отдела, подполковнику, в ведении которого был призыв новобранцев. Постучалась, вошла. Тот оказался довольно-таки подвижным, ловким офицером, хотя на вид ему было лет пятьдесят, но взгляд ещё обжигал. Он предложил стул и сказал:

– Слушаю вас.

Ильсияр от такого взгляда даже как-то растерялась, сначала никак не могла начать разговор. Наконец, хотя и заикаясь, краснея, всё же изложила суть дела. Подполковник, придвинувшись к ней, сказал:

– Нынче у каждого второго гастрит. –

А потом вдруг спросил: – Скажите... – Он сделал небольшую паузу. – Вы очень любите своего мужа?

– Мы поженились по любви... – ответила она, удивляясь нелепости такого вопроса. – Живём хорошо... А что его и в Чечню могут отправить?..

– Конечно, могут! – воскликнул подполковник. – А как же? Мы же не на курорт ребят тут распределяем...

От этих слов как будто по всему телу её пробежал какой-то пронзительный, обжигающий холодок.

– Так вы его любите? – переспросил военный. – И готовы ради него на всё?

– Но у нас нет таких денег, – потупив взор, прошептала молодая просительница.

Подполковник улыбнулся и пальцем приподнял её голову за подбородок.

– Деньги... Что такое деньги? Всего лишь бумажки... Разве можно ими измерить любовь! А вот пожертвовать собой смогли бы?

– Как это?... – не поняла она.

Подполковник встал с места, подошёл к стеллажу и принялся копаться в одном из ящичков. Вскоре он выудил оттуда тоненькую папку и вернулся на своё место. «Призывник Хусаинов Хамит Яруллович», – прочитала она на обложке. Прочла и вздрогнула.

– Я человек прямой, – признался подполковник, – не привык ходить зигзагами. – И положил руку ей на колено.

– Вы что?! – вспыхнула, как спичка, Ильсияр, вскочила... – За кого вы меня принимаете! – И побежала к двери.

Её всю колотило. Она хлопнула дверь и направилась к выходу...

На следующий день, после бессонной ночи, Ильсияр вернулась в военкомат. Вернулась в кабинет подполковника.

– Где это должно произойти? – спросила она серым потухшим голосом.

Подполковник молча смёл со стола бумаги в ящички и даже протёр поверхность бумажной салфеткой. Потом запер дверь и взял её за руку. Последнее, что она услышала, был его шёпот:

– Не упрекай себя, это не измена, это всего лишь знак любви к мужу!

Когда она пришла домой, Хамит мыл посуду на кухне.

– Задержалась ты сегодня, – сказал он, нахмурившись. – А я голодный.

– Да, задержалась... – обронила Ильсияр в задумчивости. Потом вдруг рванулась к мужу и, собрав всю свою злость, всю силу, выхватила из его рук тарелку и – вдребезги об пол. Потом ещё одну, ещё... И начала колотить в истерике в грудь.

– Что с тобой, Ильсияр?! – опешил он. – Какая муха тебя сегодня укусила? Успокойся.

Но она не успокаивалась.

– Когда ж ты, наконец, станешь женщиной! – выпалила и, поражённая сказанным, осеклась, стихла разом, обронив лишь шёпотом: – Прости меня, Хамит!

– Что ты, что ты?... – гладил её по голове он, прижимая к себе. – Ты просто переутомилась. Приляг, отдохни, а я тебе свежий чай заварю.

Она опустила голову и крепко-крепко прижалась к его груди...